

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАПИСКИ

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
АКАД. Б. Д. ГРЕКОВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

1942

М. И. СТЕБЛИН-КАМЕНСКАЯ

К ИСТОРИИ ВОССТАНИЯ СУЛТАНА КЕНЕСАРЫ КАСЫМОВА

Восстание султана Кенесары Касымова в 30—40-х годах XIX в. в Казахстане, вылившееся в грандиозное движение, которое захватило большую часть казахов Младшей и Средней Орд, до сих пор еще мало изучено. Статья Н. И. Середы¹ и главы, посвященные этому восстанию в труде А. И. Добросмыслова,² являются единственными более или менее обстоятельными работами дореволюционного периода по этому вопросу. Однако оба автора, подробно останавливаясь на фактической стороне дела, почти не дают характеристики самого движения.

Другие дореволюционные исследователи ограничивались лишь краткими сведениями о той или другой стороне восстания. Так, Мейер, пытаясь охарактеризовать движение Кенесары, сводит всю деятельность последнего к личным корыстным поступкам степного разбойника.³ Ахмед Кенесарин⁴ дает несколько интересных, но кратких сведений о начале движения, о планах Кенесары, о размере его влияния в степи. Очень интересна статья Коншина⁵, освещающая наименее известный период последней борьбы Кенесары с киргизами. Особенно ценны приложенные к статье документы: воззвания Кенесары к казахам Младшей Орды (от 1846 г.) и письма киргизских манапов к сибирской администрации с сообщением о смерти Кенесары.⁶ Ряд писем Кенесары помещен в сборнике документов, составленном Серебренниковым.⁷ Там же имеются и другие чрезвычайно интересные материалы, относящиеся к рассматриваемому периоду (борьба царизма с восстанием, в частности вопрос о построении укреплений, уход Кенесары в Старшую Орду и др.). Ряд бытовых черточек, дающих картину лагеря Кенесары и взаимоотношений его с подчиненными, находим в очерке бар. У-ра,⁸ участника экспедиций против восставшего султана. Остальные авторы ограничиваются лишь более или менее кратким упоминанием о Кенесары.⁹

¹ Н. Середа. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова, «Вестник Европы», 1870, кн. VIII и IX, 1871, кн. VIII.

² А. Добросмыслов. Тургайская область, «Известия Оренб. отд. Русск. геогр. об-ва», 1902, XVII, гл. IV.

³ Л. Мейер. Киргизская степь Оренбургского ведомства, стр. 57—63, СПб., 1865.

⁴ Е. Смирнов. Султаны Кенесары и Садык. Переработка рассказа Ахмеда Кенесарина, Ташкент, 1883.

⁵ Н. Коншин. Материалы для истории степного края. Записки Семипалат. подотд. Зап.-Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва, 1903, вып. I.

⁶ Там же, стр. 99—101 и 104—109.

⁷ А. Серебренников. Сборн. материалов для истории завоевания Тукестанского края, II, стр. 225—227, III, стр. 32—33, 70—73; IV, стр. 131—132, 134, 172, 189—190, 200, 215; V, стр. 59, 142—143, 150—152, Ташкент, 1914.

⁸ Бар. У-р. Четыре месяца в Киргизской степи, «Отеч. Записки», 1848, № 10.

⁹ Например, М. Красовский. Область сибирских киргизов, I, стр. 105—108, СПб., 1868.

Движение Кенесары и после революции не привлекло еще достаточного внимания исследователей. Существует только одна монография А. Ф. Рязанова, оставшаяся за смертью автора неизданной.¹ Составленная на основании обширного документального материала архивов Казахстана, она содержит много нового, чрезвычайно интересного материала, освещающего причины восстания, весь ход его, соотношение борющихся сил. Автор дает характеристику движения и его вождя, султана Кенесары. Пытается дать оценку движения и А. Якунин в своей статье «Восстание Кенесары Касымова»,² но с оценкой этой нельзя согласиться: автор чрезвычайно принижает роль Кенесары, отводя ему лишь второстепенное место в восстании.

Можно назвать еще несколько небольших статей, и этим ограничивается вся литература о Кенесары. Дальнейшие исследования должны пойти не только по линии изучения богатых архивных данных, но и по линии тщательного изучения фольклорного материала — многочисленных песен и сказаний о Кенесары и его восстании.

Настоящая статья составлена на основании исследования лишь небольшой части источников³ и пытается осветить некоторые не разработанные до сих пор вопросы: об истоках движения (преемственная связь его с движением султана Саржана несомненна), об участии отдельных родов в рядах Кенесары и о феодальном характере этого восстания.

I

Движение султана Кенесары Касымова было самым значительным и мощным в Казахстане в XIX в. Оно продолжалось целое десятилетие (1837—1847 гг.). Восстание это явилось продолжением борьбы, начатой султанами Средней Орды против царского правительства после введения Устава 1822 г.

Новое административное устройство степи предоставляло султанам лишь незначительную роль в управлении. Приказы, образованные в центре казахских кочевий, нарушали их земельные права. Во главе антиколониального движения встали влиятельные султаны Аблаевы, не хотевшие примириться с утратой своих земель и былого значения и начавшие в 1824 г. вооруженную борьбу с царским правительством в Каркаралинском внешнем округе.⁴ Руководящая роль в движении принадлежала старшему брату Кенесары, султану Саржану Касымову, славшемуся в степи «непреборимым и храбрым наездником». Наряду с Саржаном действовали и другие султаны Аблаевы: Губайдулла Валиев, Сартай Чингизов и «во главе всех беспокойных» все «семейство Касыма Аблайханова, которое по богатству, по родственным связям и по предприимчивости» пользовалось «огромным влиянием на умы киргизов» и почитало «происхождение свое от хана Аблая за законное право на верховную власть над всею Среднею Ордою». Касым в сентябре 1824 г. писал ген.-губернатору Западной Сибири П. М. Капцевичу, «требуя уничтожения приказов и удаления русских отрядов из степи».

¹ А. Рязанов. Восстание Кенесары Касымова. I—III. Рукопись хранится в архиве Ленингр. отд. Ин-та истории Ак. Наук СССР.

² «Большевик Казахстана», 1939, № 8.

³ По техническим причинам остались не рассмотренными документы московских архивов, и только частично были использованы обширные архивные материалы Казахстана.

⁴ Движением были захвачены главным образом Алтаевская, Карпыковская и Темешевская волости (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., лл. 3 об. — 16 об.). Построение Каркаралинского и Кокчетавского окружных приказов относится к 1824 г., а в 1825 и 1826 гг. там были отведены земли для постройки казачьих станиц.

⁵ Там же.

⁶ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 9.

Одновременно Саржан начал нападения на караваны и подведомственных приказам казахов.¹ В 1824 г. он возбуждал роды, кочующие на Улу-тау, Тургаях и Нуре, не соглашаться на правительственные нововведения, а султан Сартай Чингизов писал Капцевичу, что внешние округа непригодны казахам, «как дикой лошади стойло».²

С именем Кенесары в качестве активного участника восстания, возглавляемого Саржаном, мы встречаемся впервые еще в 1825 г. (8 октября).³

Саржан учитывал, что вести борьбу с царским правительством силами одних казахов невозможно, поэтому он искал союзников среди соседних государств. Так, еще в 1825 г. (а может быть и ранее) он пытался завязать сношения с Китаем,⁴ но, повидимому, безрезультатно.

После поражения, нанесенного Саржану царскими отрядами в 1825 г. в Средней Орде, он предался на сторону коканского хана,⁵ отдав ему, по собственному выражению, «свой скот, душу и тело», и пытался (в 1831 г.) совместно с ташкентским куш-беги «поколебать легкомысленных киргизов и нанести вред вводимому в степи управлению».⁶ Вслед за Саржаном, пользовавшимся большим влиянием на всех казахов Средней Орды,⁷ из Каркаралинского и Акмолинского округов, расположенных на местах родовых кочевий Аблаевых, откочевало «к пределам Ташкении» до 1½ тыс. кибиток.⁸

В течение 1831, 1832 и 1834 гг. Саржан и ташкентский куш-беги, намеревавшийся использовать недовольство казахов для овладения степью, вторгались в пределы Средней Орды, разоряя не вошедших во внешние округа казахов и распространяя «возмутительные письма» среди «окружных». Они призывали казахов к откочевке в коканские земли⁹ и предъявляли царскому правительству требования уничтожения приказов и отмены сбора ясака.¹⁰ Куш-беги и Саржан «с толпой до 6-ти тыс.» подходили к Кокчетавскому округу. На горе Улу-тау коканцами была построена крепость, разрушенная вскоре ген.-майором Броневским.¹¹

В конце 1834 г. царские отряды подавили восстание.

Причины неудачи движения Саржана, помимо несоответствия его сил силам царского правительства, надо видеть в том, что ему не удалось вовлечь широкие массы казахского народа в борьбу против царского правительства: за ним последовали лишь подведомственные ему казахи. Имя Саржана пользовалось большой известностью в Орде, требования, выдвигаемые им, были близки и понятны народу, но обе-

¹ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 9.

² А. Круссеров. Трактаты с Китаем — «Памятная книжка Зап. Сиб.», стр. 63, Омск, 1882.

³ «При движении колонны вперед, с левой стороны показался на возвышенностях, отдельно, узанный после султан Кенесары, родной брат Саржана. Сотник Карбышев послал надежных казахов схватить его, но Кенесары, будучи изранен, успел скрыться в толпу» (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., л. 9 об.).

⁴ Там же, л. 10 об.

⁵ По сообщению начальника штаба Отдельного сибирского корпуса Жемчужникова, Саржан бежал в «Ташкению» весной 1831 г. и был там принят (А. Серебренников. Указ. соч., III, стр. 91).

⁶ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 2 об. — 3.

⁷ Ср. слова тюленгута султана Качканбая Аббасова, исправлявшего должность муллы при Саржане, о том, что последний есть «батца в земле Киргизской (или царь)» (ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 269, 1826 г., л. 8).

⁸ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 103—103 об.

⁹ Там же, лл. 5—6.

¹⁰ Там же, лл. 127—129.

¹¹ Там же, лл. 205—206 об.

щение кочевий, которые коканский хан собирался предоставить казахам на своих землях, было нереально.¹ Кроме того, совместные действия Саржана и ташкентского куш-беги грозили казахам утратой независимости и подчинением Кокану, т. е. не освобождением, а лишь перемённой одной зависимости на другую, которую большинство признавало даже более тяжелой. Как сообщал в своем отчете за 1825 г. ген.-губернатор Западной Сибири Капцевич, «из увлеченных необузданными султанами Габайдуллой и Саржаном малая только часть осталась при них», все прочие вернулись на прежние кочевья: недостаток в пастбищах и «страх от порабощения от Бухарии и других азиатских владений, не знакомых ни с каким снисхождением, как сами они признавались, привлек их сюда обратно. По их разумению, они избрали меньшее зло».²

Реальными последствиями движения было сильное разорение части казахов: ташкентский куш-беги наложил тяжелый ясак на всех «отложившихся от России»; те, кто осмеливались уходить обратно, подвергались разграблению.³ Особенно пострадали не вошедшие во внешние округа казахи.⁴

В 1836 г. Саржан и два его брата были убиты ташкентскими куш-беги по подозрению в измене,⁵ и с весны 1837 г. во главе антиколонизального движения становится султан Кенесары, прикочевавший в этом году из Кокана вместе со своими ближайшими родственниками и тюленгутами.⁶ Кенесары продолжил и довел до необычайной силы и широты движение, начатое его старшим братом.

II

Кенесары выступил, когда степь переживала беспокойное время. В Средней Орде только что было ликвидировано движение Саржана, но недовольство введением внешних округов продолжало существовать. В западной части Младшей Орды разворачивалось восстание Исатая Тайманова (1837—1838 гг.) и Каип-Али Ишимова. В средней и восточной частях нарастало глухое недовольство, вызванное образованием Новой линии (в 1835 г.).⁷ Введение кибиточной подати (в 1837 г.) усиливало общее напряженное положение. Если новое административное устройство степи затрагивало в основном интересы «верхушки», то земельные захваты царизма и налоговое обложение главной тяжестью ложились на массы. Недовольство было всеобщим.

Тревожное положение в Орде совпало с усилением агрессии со стороны Хивинского и Коканского ханств. Момент для нового восстания был благоприятный. Нужен был лишь вождь, который возглавил бы его. Таким вождем и явился султан Кенесары.

В 1837 г. он был уже хорошо известен сибирской администрации.⁸

¹ Султаны и бии, которые отвечали согласием на совместное выступление с Саржаном и куш-беги, выражали сомнение относительно «тесноты у вас [коканцев] земли» (там же, лл. 11—11 об.).

² ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 558, 1825 г., лл. 42 об. — 43 об.

³ А. Серебренников. Указ. соч., III, стр. 93.

⁴ ЦГАВПКИБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., лл. 205—206 об.

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837 г., л. 51. Подробнее об этом см. Бар. У-р. Указ. соч., стр. 149—151.

⁶ А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 244, V, стр. 9—10.

⁷ Ср. показания урядника Иванова о негодовании Кенесары и его приверженцев на построение Новой линии, отнявшей у казахов лучшие зимовья (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33; см. также ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 141).

⁸ В ноябре 1837 г. группа казахов Средней Орды была схвачена и предана военному суду по обвинению в убийстве хорунжего Рытова и участии «в шайках мятеж-

По словам сына Кенесары Ахмеда, поводом к первому нападению его отца на царские отряды был захват (в 1835 г.) урочища Кокчетав.¹ В мае 1838 г. султан Кенесары во главе своих приверженцев напал на Акмолинский приказ, построенный (в 1832 г.) на родовых кочевьях Аблаевых, и сжег его.² Это послужило как бы сигналом к общему восстанию в Средней Орде. В короткое время к Кенесары примкнуло более 5 тыс. казахов разных волостей, недовольных вторжением царских отрядов в степь и введением нового устава.³

С перенесением в 1838 г. центра восстания в Младшую Орду, на Тургай, Кенесары объединил вокруг себя большую часть родов и этой Орды. Активное участие в движении в этот период батыра Жоломана Тленши способствовало расширению круга казахов, примкнувших к восставшим. Совместно с Кенесары, Жоломан призывал прилинейные роды к откочевке в глубь степей.⁴

В противоположность движениям Исета Кутебарова и Жан-Хожи, восстание Кенесары не было локальным, оно захватило почти весь казахский народ. В период наибольшего своего могущества (1845 г.) Кенесары заявлял, что «32 рода оренбургских киргизов» прислали к нему для изъявления покорности «почетных людей» с обещанием платить «обыкновенную со ста и с сорока по одной штуке дань». ⁵ Когда в том же году Кенесары разослал есаулов в разные роды с приглашением собраться на совет, — депутации от разных родов «не замедлили к нему явиться». ⁶ Центром его восстания была Средняя часть Младшей Орды, больше всех пострадавшая от проведения Новой линии.

Необычайно широкий размах движения Кенесары объясняется тем, что обещания, даваемые им своим приверженцам, были близки и понятны массам, а требования, предъявляемые им царизму, — требования, которые по оценке царского чиновника Долгова «могли родиться в голове султана от одной дикой его необразованности и от незнания порядка вещей» и выражали лишь «нелепость вопросов и желаний», ⁷ — на деле отражали насущные чаяния казахского народа. Он давал обещание казахам отложившихся от России волостей «сделать их свободными от российского правительства». ⁸ Брату своему, султану Кочеку, Кенесары приказал (в 1837 г.) вернуть казахам отогнанных лошадей «до одного жеребенка», объявив, что «он прибыл не для баранты и грабежа, а освободить киргизский народ от ига русских». ⁹

Ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков так объяснял причину успеха Кенесары: «Мятеж сей, — писал Горчаков оренбургскому военному губернатору Перовскому, — тем опаснее, что свое грабительство названный султан прикрывает политической маской, обещая кайсакам возвращение их былой вольности. Оттого-то он имеет в Киргизских

ного султана Кенесары». Последнее обвинение осталось недоказанным (ЦГВАЛ, ф. Аудит. деп., 4 отд., 2 ст. св. 208, д. 1, ч. 1—6, 1842 г.).

¹ Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 3.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 181, 1838 г., лл. 76—77 и д. 182, лл. 70—71.

³ Среди восставших оказались волости Алтаевская, Карпыковская и Темешевская, уже участвовавшие в движении Саржана, и волость Кидель-Кипчакская, с которой постоянно кочевал султан Касым и куда укрылся Саржан от преследования царских отрядов (А. Серебряников. Указ. соч., II, стр. 245; ЦГАВПКБ, ф. 1 Сиб. Ком., д. 281, ч. II, 1831 г., л. 14 об.).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2145, 1838 г., лл. 5—6. Участие Тленши являлось как бы отголоском его восстания 20-х гг. (Материалы по истории Казахской ССР, IV, разд. IV, М. — Л., 1940, изд. Ак. Наук СССР).

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2745, 1845 г., лл. 215—216.

⁶ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁸ Там же, ф. 64, оп. I, д. 13, 1837 г., л. 491 об.

⁹ Там же, л. 542.

степях столько сподвижников, обольщенных не одною выгодою легкой наживы, но и мечтою о восстановлении древней их независимости». ¹ Так же расценивал значение Кенесары и председатель Оренбургской пограничной комиссии Ладыженский, говоря, что он стоит «выше простого разбойника, гонящегося только за добычей и живущего грабежом. Он не из тех людей, которые появлялись в степи и при небольших усилиях со стороны правительства исчезали, не оставив после себя никаких следов. Он выше этих пришельцев и по происхождению, и по цели, и по способностям, следовательно, пренебрегать им нельзя». ²

Обещания Кенесары отвоевать казахам новые кочевья в коканских землях привлекало к нему многочисленных сторонников. ³ Кенесары восстал против нарушения независимости Казахских Орд, против колониального гнета, против налогового обложения и земельных захватов царизма, разорявших народ. В своих письмах и обращениях к царскому правительству Кенесары требовал не возводить новых укреплений и уничтожить уже построенные, которые «стесняют и беспокоят народ», угрожая в противном случае «грабить и убивать русских, разорять все делаемые в степи помещения для людей, прекращать сообщения и выжигать приготовленное сено не только по пикетам и в селениях по округам, но даже и на линии казаков, где будто-бы тоже имеет своих приверженцев». ⁴ Он настаивал на отмене сбора ясака, ⁵ на возвращении пастбищ по Уралу и на выводе из станиц казаков. ⁶ Он грозил, что «истребит и выжжет всю Новую линию, потому что она заселена на земле, принадлежащей азиатцам». ⁷ «Всем минувшим злым делам, — писал Кенесары оренбургскому губернатору Обручеву в 1845 г., — предшествовала съемка, постройка диванов (приказов) и выступление отрядов». ⁸

Кенесары смело изобличал царскую администрацию, ⁹ которая «как пиявки высасывает кровь киргизскую», ¹⁰ грабит и притесняет казахов, а затем «дарит их теми землями, которые и без того принадлежат им». ¹¹ «Неужели, — спрашивал Кенесары Ладыженского, — у прежних государей недоставало аркана для измерения земли, не было лесу для построек укреплений, недоставало силы делать притеснения?» ¹² Смелость и высокомерность обращения Кенесары с представителями царской администрации, ¹³ его непреклонная воля и неустрашимость, выразившиеся в частности в нападении на Новую линию, необычайно под-

¹ Н. Середя. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870, VIII, стр. 567.

² А. Рязанов. Указ. соч., II, гл. XV, стр. 163.

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 182, 1838 г., лл. 70—71; ф. 4, оп. 1, д. 2651; 1845 г., лл. 605—606. В 1841 г. из Аягузского округа Средней Орды откочевало в Ташкент до 2442 кибиток (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1503, 1842 г., лл. 2 об. — 3). По справке Каркаралинского округа, отсюда откочевало (до 1841 г.) 4602 кибитки из 17 волостей, всего около 20 тыс. чел. (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 13 и 80).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 159 об. — 160.

⁵ Там же, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., л. 14.

⁶ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁷ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 125 об.

⁸ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 143.

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., л. 14; ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 331—332; ф. 4, оп. 1, д. 2570, 1844 г., лл. 10—12, д. 2621, 1845 г., лл. 708 об. — 710.

¹⁰ Там же, ф. 4, д. 2622, 1845 г., лл. 1059—1059 об.

¹¹ Там же, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

¹² Там же, лл. 890 об. — 891.

¹³ Достаточно вспомнить судьбу посольств Долгова и Герна (там же, лл. 708 об. — 710, 757—778 и д. 2622, 1845 г., лл. 1055—1062). Ср. также заявление Кенесары о том, что он «русских нисколько не боится».

нимали его авторитет среди казахов и создавали ему громкую славу: «Имя твое, Кенеке, прогремело по степи всей». ¹

Обаяние личности «бесстрашного воевателя, победоносца и богатыря», как называл себя сам Кенесары, «одного из храбрейших и умнейших ханов», по определению его приверженцев, и неукротимая энергия, с какой он боролся против царского правительства, привлекали под его знамена многочисленные отряды казахов. Оренбургская администрация должна была признать, что при одном приближении Кенесары казахи «колеблются умами». ² Якунин неправ, заявляя, что Кенесары «встречал в массах безразличное или прямо враждебное отношение». ³ Как раз безразличного отношения Кенесары, как необычайно яркая индивидуальность, не вызывал: наряду с врагами у него были и горячие приверженцы. ⁴

Вопрос об участии отдельных родов Средней и Младшей Орд в восстании Кенесары чрезвычайно сложен. Во-первых, мы не имеем точных данных об этом на протяжении всего движения. Во-вторых, документы обычно говорят об участии рода в целом, ⁵ тогда как несомненно, что часто не весь род был на стороне восставших, в особенности, если кочевья данного рода занимали большую территорию. ⁶

Не следует, в-третьих, забывать и того, что отношение к восстанию «верхушки» и «низов» рода было различным. Состоявшие на службе царизма и пользовавшиеся известными выгодами от этого верхние слои в подавляющем большинстве были, естественно, против «мятежа». Так, влиятельнейший бий рода Аргын, Чегень Мусин, правнук первого тархана Жаныбека, имевший в своем ведении до 4 тысяч кибиток, писал оренбургскому военному губернатору Перовскому в 1838 г.: «Я нахожусь под покровительством государя императора, головы и уши наши у ног его, и не могу отречься, что прикажет начальство»; «Кенесары мне такой же враг, как и всему народу, Кенесары мне в друзья не ставьте». ⁷ На стороне правительства стояли также: старшина того же рода Язы Янов, неоднократно участвовавший совместно с сибирскими отрядами «в поисках против Кенесары»; ⁸ бий рода Жаппас, Алтынбай Кубеков; управлявший с 1841 г. отделением Узун рода Кипчак сотник Балгоджа Янбурчин, по характеристике оренбургской администрации «влиятельностью и уважением в Орде полезный для исполнения распо-

¹ Досхожа-бий. Песня, спетая перед переселением Кенесары с Кокчетава. Песни степей, под ред. Л. Соболева, стр. 229, М., 1940.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 230—231.

³ А. Якунин. Указ. ст., стр. 54.

⁴ Интересны сообщения о наружности Кенесары: он был «росту среднего, сухощав и несколько курнос» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 182, 1838 г., л. 102). По другим сведениям, Кенесары был «невысокого роста и худощав, с калмыцкими чертами лица» (мать его была калмычка); «узковатые глаза его сверкали умом и лукавством, физиономия не обличала жестокости» (Бар. У-р. Указ. соч., стр. 216).

⁵ Только когда дело идет относительно рода Шекты, самого многочисленного, упоминаются отделения его.

⁶ Например, часть рода Жаппас кочевала между Старой и Новой линиями и была совершенно «покорна»; жившие же в районе Сыр- и Куван-Дарьи не признавали подданства России. Кочевавшая на границе Младшей и Средней Орд часть рода Аргын была «покорна», на часть же, занимавшую степи до р. Тургая, оренбургская администрация имела «малое влияние»; не имела она влияния и на часть рода Кипчак, кочевавшего у Сыр-Дарьи, в то время как жившие между Тоболом и Новой линией кипчаки были «совершенно покорны» и т. д. (Из записки оренбургского военного губернатора Обручева ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову от 8 марта 1843 г. Н. Середа. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 71—72). Казахи рода Шомакей, занимающие вершины Илека, были «покорны», но кочующие в Барсуках и по Сыр-Дарье — «непокорны». Из поколения Бай-улы был «непокорен» только род Адай, из поколения Жети-руу — род Кете, — кочевья обоих находились вдали от линии (А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. XV, стр. 156).

⁷ А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. IV, стр. 35.

⁸ А. Серебренников. Указ. соч., IV, стр. 144.

ряжений начальства»,¹ заявлявший, что не хочет быть «рабом изменника Кенесары»;² бий Сайдалы Джанмурзин;³ волостной управитель Средней Орды Кулубек Ескенин⁴ и многие другие. Это не было однако общим правилом: известно, что волостной управитель Сапак Тангрибергенов, обладатель громадных стад, известный под прозвищем «богатый Сапак», последовал за Кенесары в 1838 г. в глубь степей, вероятно соблазненный обещаниями хороших пастбищ. В убийстве хоруңжего Рытова (1837 г.) были замешаны 9 султанов Средней Орды (сыновья Абулхаира Ишимханова и др.), все судившиеся военным судом по подозрению в участии в движении Кенесары.⁵ К весне 1838 г. к восстанию присоединилась не только большая часть султанов Акмолинского округа, но даже многие из Баян-Аульского, Каркаралинского и Кокчетавского. Все остальные, «наружно оставшиеся верными правительству, находились в тайных сношениях с Кенесары». ⁶ В нападении на Акмолинский приказ участвовал старший султан Баян-Аульского округа Маман Аблаев и сыновья старших султанов Каркаралинского и Кокчетавского округов.⁷ По сообщению сибирской администрации от 8 июня 1846 г., Кенесары имел в этот период «тайных доброжелателей между султанами во многих округах».⁸ Сам султан-правитель Араслан Джантюрин обвинялся в сочувствии «мятежнику».⁹ Наконец, почти все ближайшие родственники Кенесары, султаны Касымовы, были всецело на его стороне,¹⁰ что вполне понятно: в случае удачи восстания, все они очутились бы у власти.

Все же главной социальной опорой Кенесары были угнетенные массы, которые большей частью встречали его как освободителя и с радостью переходили на его сторону. Но это наблюдалось не всегда. Так, не примкнули к движению игинчи: привязанные к своей скудной пашне, они больше всех страдали от междоусобий в Орде, терпя разорение и со стороны восставших,¹¹ и со стороны царских отрядов и не имея возможности откочевать куда-либо, чтобы спастись от разграбления. Есть сведения, что игинчи Иргиза и Тургая, так называемые «мирные ордынцы», сами добровольно являлись в царские отряды и сообщали сведения о Кенесары или даже предлагали схватить посланного им «зякегчика», пробравшегося под самое укрепление Уральское.¹² Жались к линии и байгуши, оторванные от родовых групп и лишенные защиты рода.

¹ ЦГАВПКиБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр. по части киргизов, д. 8, 1848 г., лл. 38 об. — 39 об.

² А. Рязанов. Указ. соч., 1, гл. V, стр. 42.

³ Сайдалы заявлял о том, что «мы те же люди царские» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 39).

⁴ Там же, д. 18, 1837 г., л. 391; д. 162, 1839 г., л. 35.

⁵ ЦГВАЛ, ф. Аудит, деп., 4 отд., 2 ст., св. 208, д. 1, ч. 1—6, 1842 г.

⁶ А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 11.

⁷ Там же.

⁸ Там же, стр. 239.

⁹ Н. Середина приводит название дела быв. Тургайского архива «О предоставлении султаном-правителем Арасланом Джантюриным случая к побегу сообщников Кенесары (Н. Середина. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 84).

¹⁰ Вместе с Кенесары (в конце марта — начале апреля 1847 г.) киргизами были взяты в плен и казнены «19 значительных султанов» (А. Серебрянников. Указ. соч., VI, стр. 110 и 112).

¹¹ Документы говорят нам о «хлебопашестве, вытоптанном хищниками» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 18, 1837 г., л. 367). Ср. показания казаха Средней Орды Кобека Чалдыбаева от 29 августа 1843 г. о том, что игинчи родов Аргын и Кипчак, опасаясь насилий приверженцев Кенесары, продавали им просеяную крупу. Последние же били игинчей, не давали просимой цены, угрожая, что Кенесары отберет у них все даром (А. Серебрянников. Указ. соч., IV, стр. 187).

¹² ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 16, 30 об. и др., а также ЦГАВПКиБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 181 об.—182.

Есть еще момент, который мы не должны забывать, рассматривая вопрос об участии отдельных родов в движении Кенесары, — это взаимоотношения между отдельными родовыми группировками. Кроме обычных межродовых распрей,¹ известна, например, давняя вражда между «дикими и своевольными» казахами родов Шомекей и Торт-кара средней части Младшей Орды и кочующим при линии родом Жагал-байлы,² а также вражда между последним и родами Кипчак и Жаппас. Причина этой вражды — споры из-за кочевий.

Весь этот сложный переплет отношений между отдельными родовыми группами и внутри их очень затемняет картину участия отдельных родов в восстании. Не было почти ни одного рода, который остался бы в стороне от движения Кенесары, не приняв большего или меньшего участия в этой борьбе, но, с другой стороны, только немногие роды оставались верными Кенесары в течение всего восстания. Большинство занимало в разное время ту или иную позицию в зависимости от соотношения сил.³ Следует учесть также, что властность Кенесары, насильственное подчинение и тяжелые поборы,⁴ жестокая кара за отказ от совместных действий или за сопротивление,⁵ а также лишения, на которые обрекали себя казахи, бросая свои родовые кочевья и примыкая к восстанию,⁶ заставляло многих отходить от движения. Так, не случаен отход от движения ряда волостей Средней Орды, откочевавших в 1838 г. частью добровольно, частью по принуждению с Кенесары в глубь степей на Сары-су и Чу: после гибели большей части их скота из-за недостатка пастбищ (вследствие большого скопления казахов на одной территории) и притеснений со стороны кокандцев,⁷ волости эти вынуждены были вступить на путь переговоров с царским правительством о возвращении на прежние кочевья.⁸

¹ Ср. свидетельство современников «о неискоренной еще вражде и мести между родами и волостями» (Г. Колмогоров. О промышленности и торговле в Киргизской степи Сибирского ведомства, «Вестник РГО», СПб., 1855, I, стр. 15) и о том, что «в степи нет ни одного рода в дружбе, — большая часть их находится в вековой вражде» (Бар. У-р. Указ. соч., стр. 145).

² ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 181, ч. I, 1843 г., л. 124 об.

³ Ср. сообщение поручика Герна в 1845 г. о том, что «все ордынцы в нынешнем году ожидают окончательной развязки отношений к русскому правительству и соответственно оной хотят обратиться под покровительство той или другой стороны» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, сп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 242). Документ напечатан в сборн. А. Серебrenникова, V, стр. 139—142. Цит. по подлиннику.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 198—199.

⁵ «Он пылает мстью к тем, кто хоть раз против него что-нибудь сделал» (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 44—44 об.).

⁶ «Достояние его приверженцев самое бедное, кибитки и одежда хуже, чем у прилинейных байгушей», — писал поручик Герт в 1845 г. (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931). Ср. показания чиновника Немчинова о бедственном положении «дальних» казахов (там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29) и рассказы султанши Кунымджан о «счастливом положении и богатстве прилинейных киргизов» (там же, д. 2622, 1845 г., лл. 1057—1058). Богатство последних следует понимать в смысле наличия у них наряду с необходимыми предметами обихода и некоторых предметов роскоши, что особенно бросается в глаза при сравнении с бедностью быта «дальних» казахов, а особенно приверженцев Кенесары, совершенно отрезанных от рынков, — «все богатство их заключалось в скоте» (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931). Кенесары выменивал баранов на оружие в Бухаре (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 92—92 об.) и намеревался даже явиться в Орскую крепость для того, чтобы «разменять скот на нужные ему предметы и хлеб» (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 930—930 об.).

⁷ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 18, 1837 г., лл. 909—910.

⁸ Там же, лл. 140—141, 721, 909—910 и др. Положение казахов Акмолинского округа было настолько тяжелое, что Комитет министров нашел возможным освободить их в 1843 г. от сбора ясака вследствие сильного разорения, «претерпенного ими во время смут Кенесары Касимова», особенно тех, которые «возвратились из отлучения в самом бедном состоянии и принуждены требовать помощи у своих родичей, оставшихся в округе и менее потерпевших от разорения» (ПСЗ, XVIII, № 16761). Около 2½ тысяч кибиток Аягужского округа, откочевавших в 1841 г. с Кенесары в Таш-

Двойственная позиция, занятая прилинейными родами, совершенно понятна. Противоречие между привилегированным положением верхушки, связанной тесными экономическими отношениями с царской администрацией и пограничным населением (торговля, промыслы, удобные пастбища),¹ и разорением масс (байгуши), испытывавших на себе всю тяжесть колониального гнета (поборы, повинности, лишение кочевий), здесь чувствовалось особенно остро. Поэтому, если верхушка, как уже было сказано, нередко действовала на стороне царизма и даже участвовала в карательных отрядах против «мятежников» (султан-правитель Ахмед Джантюрин и др.), то сочувствие масс было на стороне восставших. Сочувствие это часто могло выражаться лишь в тайной помощи Кенесары, так как страх перед царскими карательными отрядами и репрессиями со стороны собственной знати удерживал многих прилинейных казахов от явного участия в движении. Но и эта тайная помощь была очень существенна.² Вследствие указанных противоречий интересов, прилинейные роды в целом то принимали участие в движении, то отходили от него, что вызывало жесточайшие преследования со стороны Кенесары, упрекавшего отошедших в измене общему делу.³ Двойственной позицией, занятой этими родами, объясняются и противоречивые сведения в документах об их действиях.⁴

На основании использованных архивных данных можно заключить, что наиболее преданными союзниками Кенесары в Младшей Орде были дальние степные роды Шокекей, Торт-кара и Шомушли-Табын; мы видим их в рядах восставшего султана с 1838—1839 до 1845 гг. включительно. Оренбургская администрация объясняла их «потворство» Ке-

кент, вскоре стали возвращаться на прежние пастбища, «обманутые в своих надеждах получить там более выгод» (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1503, 1842 г., лл. 2 об. — 3).

¹ «Преданность киргиз русскому правительству в ближайших к линии округах основана на расчете житейских потребностей и на торговых выгодах, а в отдаленных округах более на страхе, втайне же они всегда готовы благоприятствовать пребывающим в ташкентских пределах хищникам» (там же, д. 2257, 1850 г., л. 6).

² По словам приверженцев Кенесары, без содействия «мирных киргизов» «он никак не в состоянии был бы укрыться от русских отрядов» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2442, 1844 г., лл. 26—28). Ср. также показания Ахмеда, сына Кенесары, о том, что после мести последнего ташкентцам во время поимки по султану Саржану казахи Средней и Младшей Орд «подняли Кенесары своим ханом», причем самые храбрые батыры обеих Орд открыто присоединились к движению, остальные же казахи решили тайно давать ему закят и сообщать сведения о действиях царских отрядов, оставаясь временно в подданстве России, пока Кенесары «не окрепнет», так как Россия сильна, а кочевий близ Кокана мало (Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 7—8). Лазутчики Кенесары находились во всех родах, «действуя в пользу его неустомимо и с успехом». Они находились даже в царских отрядах, действовавших против восставших (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, лл. 879—892). «Сибирские киргизы под личиной независимости постоянно помогали Кенесары» (А. Серебrennikov. Указ. соч., II, стр. 246). В 1840 г. казахи Младшей Орды доставляли Кенесары муку «в немалом количестве» (там же, стр. 245). По сообщению урядника Лобанова (от того же года), «алчиновцы хивинские и оренбургские имеют сношения с Кенесары, признают его ханом и снабжают хлебом и скотом со 100 баранов одного» (там же, стр. 224). —

³ См. письмо Кенесары султанам Средней Орды (Кучуку, Джадаю и др.): «Вы — собаки и сделали товарищами собак». Аналогичное письмо он направил биям Средней Орды (А. Рязанов. Указ. соч., II, гл. XV, стр. 159—161). Ходили слухи, что Кенесары «нарочито отыскивал захватить весь род султанов Худаймендиновых за то будто-бы, что они способствовали русскому правительству ввести в Киргизской степи русское управление» (ЦГВАЛ, ф. Аудит. деп., 4 отд., 2 ст., св. 208, д. 1, ч. I, 1842 г., л. 11 об.).

⁴ Ср., например, два сообщения от 1843 г. о захвате султаном Кенесары скота у казахов рода Жагалбайлы и об открытом присоединении части рода к движению (там же, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 179—183 об.).

несары «необузданной склонностью к хищничеству».¹ Номинальная зависимость казахов этих родов от царского правительства (кочевья их были удалены от линии), их воинственность конечно сыграли свою роль в участии их в движении. Документы говорят нам также о длительных (1837—1845 гг.) дружественных отношениях Кенесары с казахами Средней Орды отделений Баганали, рода Найман, кочевавшими еще с султаном Касымом. Зимовки их находились в Кара-Куме, на Улу-тау и по Тургаю, летовки — на Ишиме;² у них Кенесары находил приют и поддержку, от них же получал сведения о движении царских отрядов.³ Чрезвычайно предан Кенесары был род Алчин, тоже кочевавший с султаном Касымом;⁴ летовки его были на Тоболе и Тургае, зимовки — на Сыр- и Куван-Дарье. Род Кипчак, подведомственный Касымовым, был главным сторонником Кенесары в 1837—1838 гг.⁵ После 1839 г. начинается отход части кипчаков, вследствие разорений, понесенных ими во время откочевки с Кенесары в глубь степей. Все же еще в 1840 г. Горчаков заявлял, что «кипчаки, известные своими разбоями.., всегда были ревностными сподвижниками Кенесары».⁶ В 1843—1844 гг. часть их участвует в царских отрядах, посланных против восставших. В 1845 г. поручик Герн называет кипчаков снова в числе сторонников Кенесары.⁷ После смерти последнего сыновья его несколько раз пытались отомстить киргизам за смерть отца, при поддержке тех же кипчаков.⁸

Род Жагалбайлы в 1838 г. призывал к себе Кенесары «для постоянного нахождения» с ним, обещая помощь людьми.⁹ С 1839 г. жагалбайлинцы отходят от движения после разорения, причиненного им во время откочевки с Кенесары на Сары-су. По заявлению старшины рода Жагалбайлы, Кулабая Куханова, в 1841 г. из прилинейных не было при Кенесары никого.¹⁰ В 1843 г., напротив, среди прилинейных была заметна ненависть к «кафирам» («неверным»), и большая часть рода Жагалбайлы открыто примкнула к Кенесары. В 1844 г. они участвуют вместе с ним в нападении на Новую линию.¹¹ По показанию урядника Иванова (от 1844 г.), Кенесары «с прилинейными казахами, кроме джагалбайлинцев, сношений не имеет».¹²

Выжидательную позицию по отношению к восстанию заняла большая часть многочисленного рода Аргын, находившаяся в ведении бия Чегеня Мусина, всячески «ласкаемого» оренбургской администрацией,

¹ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. 1, 1846 г., л. 18. В 1845 г. Кенесары призывал к себе роды Алчин, Кете, Торткара и Шомекей, с которыми «он не имеет доселе никакой вражды» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., л. 553; см. также А. Серебренников. Указ. соч., IV, стр. 78, 149 и 206).

² ПСЗ, XXXVIII, № 40333.

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 132; см. также А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 155, 193, 195 и 245.

⁴ См. цитированное выше сообщение урядника Лобанова. Ген.-губернатор Западной Сибири Горчаков считал, что наиболее преданы Кенесары казахи «алчиновские» (А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 193, 196 и 223; IV, стр. 149, 187, 194). Когда в конце 1840 г. Кенесары вынужден был удалиться на Сыр-Дарью, он кочевал там «с оставшимися приверженными ему алчиновцами» (там же, V, стр. 12); см. также ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., л. 179).

⁵ Ср. сообщение Горчакова, что в 1838 г. «кипчаковцы были единственным убежищем Кенесары» (А. Серебренников. Указ. соч., II, стр. 224). Часть рода, находившаяся в ведении бия Янбурчина, держалась на стороне России.

⁶ Там же, II, стр. 195.

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931.

⁸ Н. Коншин. Указ. соч., стр. 101.

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 20.

¹⁰ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2559, 1844 г., л. 2.

¹¹ Там же, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33. Кочевья их находились между Старой и Новой линиями и вдоль последней.

¹² Там же.

которого председатель Пограничной комиссии Ладыженский хотел подарками сделать «более ручным», «по влиянию на управляемый им своевольный род».¹ В 1838 г. Чегень Мусин отказался прислать людей в помощь Кенесары.² До 1844 г. род Аргын «не имел явной дружбы» с восставшими, но и «не заводил никакой вражды» с ними.³ Летом 1845 г. Кенесары сам сделал попытку примириться с Чегенем, чтобы привлечь его многочисленный и сильный род на свою сторону.⁴ Осенью 1845 г., в связи с построением укрепления Оренбургского в центре зимовок рода Аргын и победой Кенесары над коканцами, среди аргынцев стал замечен «дух особенной неприязни к русским», и они стали «склоняться к сообществу» с восставшими. В ноябре 1845 г. 130 тюленгутов Кенесары прибыли в аулы рода Аргын с требованием закята.⁵ Весною 1846 г. Чегень Мусин был задержан царским правительством за явное неповиновение властям и сношения с Кенесары.⁶

Менее заметным было участие в движении родов Каракесек, Кете, Тама, Керейт.

Сильный и воинственный род Жаппас, несмотря на неоднократные (в 1843, 1844 и 1845 гг.) жесточайшие разграбления со стороны Кенесары за преданность правительству и отказ в даче закята, не примкнул к восстанию, оказывая Кенесары упорное сопротивление: в 1844 г. посланные в род Жаппас для сбора закята приверженцы Кенесары были убиты,⁷ а в 1845 г. возчики-жаппасцы, сопровождавшие бухарский караван, отказали Кенесары в дани.⁸

Осталась в стороне от восстания и большая часть отделений многочисленного рода Шекты: некоторые из них — отделения Жакаим, Куттук, Жульджур и др. — были преданы батыру Жан-Хоже Нурмухамедову и только из страха соглашались кочевать с Кенесары.⁹ Другие были подведомственны Исету Кутебарову (отделения Тлеу, Кабак, Назар и др.) и открыто выступали против Кенесары:¹⁰ причиной этого была старая 20-летняя родовая вражда.

Род Адай, наиболее удаленный от районов восстания и менее других ощущавший непосредственный гнет царизма, будучи фактически почти независимым, тоже остался в стороне от движения. Известную роль сыграла в этом зависимость рода от Хивы.

Наряду с родами, принимавшими в основной части более или менее активное и длительное участие в борьбе Кенесары с царским правительством, действовали и многочисленные мелкие группы «барантов-

¹ А. Рязанов. Указ. соч., III, гл. V, стр. 58.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 13, 1837 г., лл. 301—303.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 194—196.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 243—247.

⁵ Там же, д. 2651, 1845 г., лл. 605—606. Уже поручик Герн отмечал большое количество казахов рода Аргын в лагере Кенесары (там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931).

⁶ Там же, д. 2829, 1846 г., лл. 124—129. По показаниям лазутчиков, Чегень «раздает в Орде циркуляры Кенесары, склоняет аргынцев к откочеванию... воспрещал дистанчному начальнику... султану Галию Тунгачину внушать в Аргынском роде о благой цели возведения в степи укреплений... отправил (Кенесары) в подарок двух верблюдов и одну лошадь, при письме с изъявлением своей и всего Аргынского рода готовности исполнять его волю» и обещал собрать «вооруженных из подведомственных ему аргынцев», чтобы, соединясь с Кенесары, разбить укрепления. Царские отряды, посланные для захвата Чегеня, были встречены толпами аргынцев и «обычным у мятежных киргизов криком: Аблай». (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 205—206).

⁷ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 243—247.

⁸ Там же, д. 2627, 1845 г., л. 17.

⁹ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

¹⁰ Там же; см. так же д. 2426, 1843 г., лл. 1—2 и 17; д. 2340 1843 г., л. 126; д. 2621, 1845 г., л. 882 и А. Серебренников. Указ. соч., IV, стр. 131, 135, 201 и 215. Отделения Тлеу и Назар находились в близком родстве.

щиков», которые, прикрываясь именем Кенесары, преследовали только цели личной наживы.¹

Но главные военные силы Кенесары составляли не временно прикнувшиеся к нему роды, — они оказывали ему только ту или иную помощь. Основное ядро сил Кенесары составляли, во-первых, его ближайшие родственники — «буйное семейство Касымовых», во главе с его младшим братом, храбрым Наурузбаем, во-вторых, до 1000 кибиток его собственных тюленгутов, доставшихся ему от деда, хана Аблая, и, в-третьих, наконец, до 1000 же кибиток «пришатнувшихся к нему», по выражению поручика Герна, людей «почти со всех родов Оренбургского и Сибирского ведомства».² Среди этих «пришатнувшихся» были и примкнувшие к Кенесары отважные джигиты, готовые в борьбе за независимость разделить с ним полную опасности жизнь,³ и разоренные элементы, которым нечего было терять и которые ждали только случая, чтобы отомстить царскому правительству за старые обиды.⁴

«Скопище» Кенесары было на деле прекрасно организованным военным лагерем. Здесь соблюдалась строжайшая дисциплина и полное повиновение вождю.⁵ Малейшее преступление наказывалось смертью или «рассечением головы» (особый вид наказания, своего рода разжалование). Не знатность происхождения, а личные качества и заслуги ценились Кенесары. Он был непреклонным по отношению к изменникам, — одно подозрение «в разведовании» влекло за собой смертную казнь,⁶ — но он готов был «своей жизнью пожертвовать, только чтобы отомстить варварством» за убийство «своих первых любимцев и батырей».⁷ Поручик ГERN дал исчерпывающую картину состава и организации военных сил Кенесары.⁸ У него было до 500 отборных джигитов, общее же число его сторонников колебалось в различные периоды от 2 тысяч до 6—10 тыс. человек.⁹

III

Несмотря на огромный размах движения, вовлекшего в борьбу большую часть казахского народа, несмотря на выдающиеся личные качества вождя и безаветную храбрость его и многих его сторонников, восстание было подавлено: силы борющихся были неравны.

¹ ЦГАВПКИБ, МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 186, 1844 г., лл. 13—17 об.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 926 и д. 2442, 1844 г., лл. 23—33. В 1844 г. султан-правитель Араслан Джантюрин доносил, что «ближайшими сообщниками» Кенесары были казахи, перешедшие к нему «с Сибирской линии и ныне прибегающие к нему оттоль» (там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 392—393).

³ Ср. приведенное выше показание сына Кенесары Ахмеда об открытом присоединении к отрядам его отца храбрейших батырей Младшей и Средней Орд.

⁴ Ср. слова песни о Кенесары о том, что дети хана Аблая, Кенесары и Наурузбай, «были убежищами бездомных и приютами для бескровных» (Песнь о Кенесары. Перевод султанов Джантюрина и Сейдалина, «Зап. Оренб. отд. РГО», III, стр. 313, 1875).

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 23—33. Ср. донесение султана-правителя Восточной части Орды о том, что «стоит Кенесарыю сесть на коня и сказать слово, то с неимоверною быстротою люди бывают уже готовы и вооружены на лошадах» (там же, д. 2757, 1845 г., лл. 244—244 об.).

⁶ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., л. 553.

⁷ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 245—245 об. Ср. показания бия рода Шекты отделения Назар, Давлеткильдея Бисмаева, о том, что в 1845 г. Кенесары стал собирать все имущество в аулах для выкупа своих приверженцев, попавших в плен к киргизам (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 276).

⁸ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931.

⁹ Ахмед, сын Кенесары, называет цифру в 20 тыс. (Г. Смирнов. Указ. соч., стр. 8).

Умный и тонкий политик Кенесары и сам отлично сознавал, что невозможно противопоставлять разрозненные силы вечно враждующих между собой родов двойному натиску — со стороны царского правительства и со стороны соседних ханств. Стараясь собрать в одно целое и подчинить своей единой власти все казахские роды, Кенесары применял всевозможные методы: и «обольщение» дарованием хороших кочевий, и насильственное увлечение за собой, и угрозы, и жестокое разграбление,¹ действуя террором по отношению к слабым и дипломатией по отношению к сильным.² Особенно старался Кенесары привлечь на свою сторону сильные и многочисленные роды, как например Шекты, Аргын и Жаппас, действуя через их влиятельных родоначальников. Так, он послал подарок Исету Кутебарову,³ писал примирительные письма Жан-Хоже, прося забыть старую вражду,⁴ завел сношения с Чегенем Мусином.⁵

Не будучи в состоянии привлечь на свою сторону казахов рода Жаппас, Кенесары убил одного из их влиятельнейших биев — Алтын-бая Кубекова, верного слугу царизма.⁶ Для привлечения сильных родов на свою сторону Кенесары действовал иногда примирительно: скот, отогнанный его племянником Саржановым в 1842 г. у отделения Тлеу рода Шекты, был весь возвращен.⁷

Считаясь с мнением Чегеня Мусина, который велел сказать, что если Кенесары «не перестанет разорять мусульман, то он догонит его на верблюдах обыкновенным кочем и уничтожит»,⁸ Кенесары воздержался в 1844 г. (правда не надолго) от мести роду Жаппас за сопротивление при сборе закята султаном Наурузбаем. Но старания Кенесары объединить казахов не увенчались успехом. Как поется в одной из песен о Кенесары, казахи потерпели поражение «от здешнего их народа пестроты рта», т. е. от несогласий, несговоренности, перевеса интересов отдельных родовых групп над интересами всего народа в целом.⁹ Бросая по призыву Кенесары (и батыра Жоломана Тленши)¹⁰ прежние пастбища и откочевывая в новые места, «отложившиеся» занимали чужие кочевья, что вело к взаимной бармте, разорению и вынужденному отходу части казахов от движения. В одном районе скапливались большие массы казахов, в других были нетронутые пастбища, «ни следу кочевков», «пустота общая».¹¹

Междоусобная вражда сильных и слабых родов, в основе которой

¹ Род Жаппас, например. В 1842 г. Кенесары препятствовал откочевавшим с ним возвращаться на прежние пастбища, «грабя и производя смертоубийства» (Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 2343, 1842 г., лл. 10—11).

² «От страха и от преувеличенных слухов о могуществе Кенесары» к нему присоединились в 1843 г. роды Алтын (Алчин), Табын и Кирей, кочевавшие близ Ак-Мечети (ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 115 об. — 118). Инструкция командующего Отдельным оренбургским корпусом Толмачева от 21 мая 1844 г. подполк. Лебедеву предписывает последнему различать среди приверженцев Кенесары «закоренелых ослушников» и роды, «увлеченные из страха мести или обольщенные его коварными внушениями» (там же, лл. 7—7 об.). Из опасения мести Кенесары, казахи, кочевавшие близ Уральского укрепления, не решались выдавать посылаемых им «закятчиков и возмутителей» (А. Серебрянников. Указ. соч., V, стр. 186).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2547, 1844 г., лл. 52—54 об.

⁴ Там же, д. 2755, 1845 г., л. 1186.

⁵ Там же, д. 2829, 1846 г., лл. 124—129.

⁶ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 175—176.

⁷ Оренбургская администрация неправильно объясняла этот поступок «мирлоубием» Кенесары (Н. Середя. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870 г., IX, стр. 66).

⁸ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. 1, 1843 г., л. 138.

⁹ «Кто бы мог обидеть, если бы было единодушие нас, детей казака, и если бы дали поводья Кене и содействовали ему» («Песнь о Кенесары», стр. 313).

¹⁰ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2145, 1838 г., лл. 5—6.

¹¹ Там же, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

лежали экономические причины — борьба за кочевья, — препятствовали объединению. «Дальние» мстили прилинейным за неучастие в борьбе, последние отвечали им разграблением, действуя нередко совместно с царскими отрядами. Даже один род не действовал сообща, но иногда каждое отделение за свой страх.¹ Кенесары не удалось привлечь на свою сторону многочисленные и потому сильные роды — Шекты, Адай, Аргын, Жаппас, наиболее обеспеченные кочевьями.

Перевес родовых — групповых интересов над интересами всего народа был вполне закономерен. Замкнутое кочевое хозяйство отдельных родов препятствовало созданию единой экономической жизни, а это в свою очередь являлось тормозом для объединения политического. Рядом с номинальной властью — султанами-правителями — стояла реальная власть в лице родоначальников, которые не хотели делиться ею и предпочитали сепаратные выступления, лишь бы сохранить свое влияние на подведомственные им родовые группы. Влияние этих старшин на патриархально-родовые общины мешало сближению Кенесары с массой казахов.

Таким образом, экономическое и политическое положение Казахских Орд было одной из причин поражения восстания Кенесары.

Международное положение их было второй причиной поражения Кенесары. Казахские орды были окружены более сильными государствами, которые не хотели допустить объединения казахов в самостоятельное целое, стремясь использовать степь в своих интересах. Царизм давно считал степь своей колонией, среднеазиатские ханства непрерывно боролись с царской Россией за власть над казахами. Если царское правительство ставило своей целью подавление восстания, для чего намеревалось настичь Кенесары в самом «гнездилище» его и вытеснить «в соседственные владения Коканское и Хивинское, за Сыр-Дарью, если не представится случая истребить самого мятежника»,² то Хива и Бухара пытались использовать «мятежного султана» для подчинения себе казахов и в качестве союзника в борьбе с Коканом.

Третьей причиной поражения восстания Кенесары был феодальный характер движения.

Привлекаемый обещаниями свержения ненавистного ига царизма и дарования новых кочевий, казахский народ был готов по одному кличу Кенесары идти за ним, но скоро убеждался, что и владычество их вождя не несет им освобождения: угнетение со стороны собственной знати оставалось прежним, к нему присоединялись поборы и притеснения со стороны самого Кенесары. Достаточно указать на жестокое разграбление султаном Кенесары казахов рода Жаппас. В 1840 г. многие казахи рода Шомушли-Тыбан рассеялись по разным аулам вследствие притеснений Кенесары.³ В 1844 г. казахи разных родов целыми аулами перешли внутри линии из страха перед ним.⁴ Союзники Кенесары — роды Торткара и Шомекей — были так разорены его притеснениями, что следствием этого явилось «нерасположение к нему и желание уклоняться от его власти».⁵ Многие из есаулов Кенесары были убиты «на бармте» при сборе закята (всего было убито рядовых казахов и есаулов до 350 человек), но, как показывал урядник Иванов, потери эти Кенесары старался скрывать.⁶

¹ Например, род Шекты, отделения которого по численности равнялись некоторым родам. В 1844 г. отделение Кабак действовало совместно с Кенесары против отделения того же рода Тлеу, отогнавшего скот у Кенесары.

² ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 118.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. II, 1846 г., лл. 72 об. и 75 об.

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 553.

⁵ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2692, 1845 г., лл. 26—29.

⁶ Там же, д. 2442, 1844 г., лл. 23—33.

Стремясь освободить казахов от гнета царской крепостнической России, Кенесары, будучи сам крупным феодалом, хотел сохранить в Орде прежние феодальные отношения и связанную с ними эксплуатацию. Непримируемое противоречие между лозунгами, на борьбу за которые он звал, и их осуществлением на деле было основной причиной постепенного отхода от движения казахских масс.

Кенесары боролся за восстановление ханского звания и за признание себя «ханом непобедимой Орды», как он называл себя в «возмутительных грамотах», направленных в 1842 г. к казахам Средней Орды.¹ Все мероприятия, применяемые им, имели определенное социальное значение: они были направлены на укрепление его ханства, типа среднеазиатских ханств. Высоко чтя память своего деда — хана Аблая, создавая среди своих приверженцев как бы культ его («Аблай» было боевым кличем его отрядов), Кенесары стремился к достижению могущества этого хана, открыто заявляя, что ему «желательно ходить путем деда». ² Называя себя «великим победоносцем», «отцом величия», «храбрым Кенесары-ханом», он действовал в степях как неограниченный властелин, карая смертью за ослушание, почему «страх к нему не имел границ». «Разглашая себя в степи ханом» и будучи действительно признан им большею частью родов Средней и Младшей Орд, ³ Кенесары использовал и все prerogatives ханского звания: он объявлял войну среднеазиатским ханствам (в 1841 и 1843 гг. Кокану) и заключал с ними союзы (в 1842 г. с Бухарой). Казахи, кочующие в районе Сыр-Дарьи, обращались к Кенесары с просьбой о защите их от нападения коканцев. ⁴

Он собирал закят с казахов, угрожая наказанием в случае неповиновения и подвергая непокорные роды жесточайшему разграблению, так как считал отказ нарушением своих прав. ⁵ Даже в примирительном письме к батыру Жан-Хоже Кенесары пишет: «Дай закят с сотни одного и с сорока одного, этим пришлете мне свое усердие и намерение», прося батыра собрать эту подать с казахов рода Шекты. ⁶ Правда, Кенесары обычно брал с казахов «не так, как обыкновенные барантовщики, которые угоняли все, что им удастся захватить», а только необходимое, и это рассматривалось казахами как великодушие с его стороны. ⁷ Он брал баранов для обеспечения своих отрядов продовольствием и лошадью, причем исключительно «доброезжих», для перемещения. ⁸ Часть баранов Кенесары обменивал в ханствах на оружие. ⁹ Есть сведения о сборе в 1843 г. им ушра — подати с хлеба — с казахов, кочевавших у речки Тилькары. ¹⁰ В августе 1846 г., занимая полуостров Камал при оз. Балхаш, Кенесары посылал отряд в 500 человек с 1000

¹ А. Рязанов. Указ. соч., I, гл. XV, стр. 152.

² Там же, гл. X, стр. 100.

³ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 182—183 об. Ср. вышеприведенное свидетельство Ахмеда, сына Кенесары.

⁴ А. Серебrenников. Указ. соч., V, стр. 185.

⁵ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93, 243—247.

⁶ Там же, д. 2755, 1845 г., л. 1186.

⁷ ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. I, 1846 г., лл. 182—183 об.

⁸ В 1848 г. им было отогнано в Средней Орде свыше 11 тысяч лошадей (ЦГАВПКИБ, ф. Ком. министров, д. 1655, 1844 г., лл. 3—3 об.); за 5 месяцев 1844 г. в одной Младшей Орде — более 8 тысяч (там же, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 186, 1844 г., лл. 13—17 об.), свыше 4 тыс. в одном Каркаралинском округе в 1845 г. (там же, ф. Ком. министров, д. 1804, 1846 г., л. 36 об.) и т. д. Кенесары имел в своем распоряжении до 20 тысяч лошадей, вследствие чего «мог беспрепятственно действовать на свежих» (А. Серебrenников. Указ. соч., V, стр. 24).

⁹ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93. См. также А. Серебrenников. Указ. соч., V, стр. 5.

¹⁰ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопроизв., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 49 об. — 50.

верблюдов в род Усун для сбора проса. По показаниям пленных, отрядом этим руководила старшая сестра хана, Алай. Есаул Ньюхолов доносил, что Кенесары держал даже в плену 500 кибиток казахов рода Усун, которые должны были сеять и убирать для него хлеб.¹

Кенесары брал дань и с караванов, шедших из Средней Азии в Россию и обратно (все караванные пути находились в его руках).²

Мы видим, наконец, Кенесары в роли судьи, разбирающего распри враждующих родов,³ — разбор исков составлял, как известно, также одну из прерогатив ханского звания.

Кенесары был представителем крупных феодалов: он владел громадными стадами, — в его личной собственности находилось до 6 тысяч лошадей и более 2 тысяч баранов.⁴ Ему принадлежало значительное «драгоценное имущество», состоявшее из ковров, мехов, шелковых материй и т. д., «в разное время награбленных».⁵

Наличие многочисленных тюленгутов при Кенесары тоже очень характерно для крупного феодала. Тюленгуты Кенесары, доставшиеся ему в наследство от хана Аблая и постоянно находившиеся при нем,⁶ составляли вместе с его ближайшими приверженцами своего рода дружину. Они получали от своего вождя оружие и пищу, выполняли обязанности военных слуг и пользовались $\frac{1}{10}$ добычи «в виде награды за труды».⁷

Идеология Кенесары вполне соответствовала его положению крупного феодала. Он считал Казахские степи своим наследственным достоянием. «Вы, — писал он Николаю I и ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову, — на принадлежащих деду нашему, хану Аблаю, местах учредили окружные Диваны...»⁸ «Доставшиеся в наследство от отца нашего Аблая земли, — писал он в другом документе, — усеяны укреплениями».⁹ Через поручика Герна Кенесары просил отдать ему горы Улу-тау, «издавна принадлежавшие его роду».¹⁰

¹ Н. Коншин. Указ. соч., стр. 71.

² Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 2547, 1844 г., л. 68; ЦГВАЛ, ф. 527, 2 отд., 1 ст., св. 16, д. 69, ч. 1, 1846 г., л. 38 об. В 1846 г. Кенесары отправляет в Младшую Орду письмо «на имя караванных начальников» с предписанием им и всем купцам «Бухарского владения» давать закят «с каждого коша $\frac{1}{9}$ часть» (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 101).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2651, 1845 г., лл. 605—606. С разбором «старинных претензий» к нему обращается сам Исмет Кутебаров (там же, д. 2559, 1841 г., л. 2). Ср. письмо Кенесары казахам Младшей Орды от ноября 1846 г.: «Да будет известно вам, что ссоры и драки между вами поручено мною разбирать султану Сеиль-хану и бию Чукмару и даже решать дела о смертоубийстве, на что и дано им на сей предмет предписание» (Н. Коншин. Указ. соч., стр. 74 и 101. Сеиль-хан Бигалин-Аблай был двоюродным братом Кенесары).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., л. 132, и ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 757—778.

⁵ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 304—318.

⁶ По показаниям казаха Средней Орды Чормана Асакова, их было более 300 кибиток «разных родов Средней и Малой Орд»; в числе их были «караульцы, атагаевцы, уваковцы и кирей» (там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132). По сведениям поручика Герна (от 1845 г.), их было до 1000 кибиток, причем большая часть калмыцкого происхождения (там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., л. 926). Вероятнее всего, в числе тюленгутов были и местные и пришлые элементы.

⁷ Там же, д. 2757, 1845 г., лл. 245—247. Ср. древнемонгольский институт нукеров — военных слуг, свободно выбиравших себе господина и часто превращавшихся из рядовых дружинников в начальников отрядов (Б. Владимирцов. Общественный строй монголов, стр. 87—96, Л. 1934). В одной из песен о Кенесары его ближайшими соратниками названы нукерами («Песнь о Кенесары», стр. 397). Ср. указание П. П. Иванова о том, что в XIX в. нукерская служба в Хивинском ханстве была не добровольной, но являлась одной из феодальных повинностей (П. Иванов. Архив хивинских ханов XIX в., стр. 21, Л. 1940).

⁸ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., лл. 14 и 15—16.

⁹ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 895 об. — 896.

¹⁰ Там же, д. 2622, 1845 г., лл. 1059—1059 об.

Как свою наследственную собственность рассматривал Кенесары и казахский народ. Он заявлял, что «отберет всех киргиз от русских, ибо кроме него нет в степи султанов: дед его, Аблай, был ханом в Киргизских Ордах, следовательно, они принадлежат ему».¹ Он давал обещание «освободить киргизский народ от ига русских, ибо, по праву деда его, Аблая, все киргизы принадлежат ему».²

Действия Кенесары находились в полном соответствии с его феодальной идеологией. Считая степи своей личной собственностью, он захватывал в свое пользование лучшие кочевья. Лошади его многочисленных табунов содержались «в исправности», так как паслись «постоянно на лучших лугах», в то время как лошади его приверженцев из-за отсутствия хороших пастбищ между Тургаем, Джиланчиком и далее были «в весьма дурном теле».³ Кенесары захватывал не только лучшие пастбища, но принудительно присваивал и скот подведомственных ему казахов. Когда при преследовании его царскими отрядами он вынужден был бросить до 2 тыс. собственных баранов, то для возмещения этого убытка собрал «насильно с приверженцев своих по нескольку баранов».⁴ Он требовал в Средней Орде «с каждой юрты по скотине», угрожая в случае отказа ограбить и увлечь непокорных за собой».⁵

Одним из видов поборов было вымогательство «подарков». Так, он приказал волостному управителю Средней Орды, бию Сапаку Тангрибергенову и другим биям прибыть с подарками под угрозой разграбления.⁶

Кенесары ни в коей мере не хотел изменить строй, который узаконивал его положение и связанные с ним преимущества, или внести какие-либо преобразования в существовавшие в Казахских Ордах социально-экономические отношения. В письмах Николаю I и ген.-губернатору Западной Сибири Горчакову он прямо заявлял: «Полезно было бы для блага общего киргизского народа, если бы киргизский народ остался в первобытном своем положении».⁷

Что личные интересы крупного феодала, каковым был Кенесары, в значительной мере руководили его поступками, показывает с достаточной убедительностью и письмо его к и. д. чиновника особых поручений Сотникову (правда, написанное после тяжелых разграблений царскими отрядами): если ему будут дарованы Улу-тау и земли «по эту сторону Ишима, — пишет Кенесары, — то нам не будет надобности в подданном уже народе, ибо у нас есть своих тюленгутов 1000 аулов, доставшихся нам от предка нашего Аблая».⁸

Все перечисленные моменты: попытки восстановления ханской власти и насильственное использование всех ее prerogatives, взгляд на Казахские степи и населяющий их народ как на свое наследственное достояние, захват в свое пользование лучших пастбищ, поборы, собираемые с подведомственных казахов путем внеэкономического принуждения, — служат ярким доказательством феодального характера движущих целей восстания Кенесары.

И все же мы должны рассценивать это движение как факт несомненно прогрессивного значения.

На протяжении 10 лет Кенесары вел беспощадную борьбу с цариз-

¹ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 179, 1838 г., лл. 198—199.

² Там же, д. 13, 1837 г., л. 542.

³ Там же, ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 929 об. — 930.

⁴ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132.

⁵ Там же, д. 140, 1836 г., лл. 230—231.

⁶ Там же, д. 13, 1837 г., лл. 465—467.

⁷ Там же, ф. 82, оп. 1, д. 169, 1839 г., лл. 14, 15—16.

⁸ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1845 г., лл. 331—332.

мом против превращения Казахских Орд в колонию империи, за создание независимого казахского ханства, «единой и непобедимой Орды». Эта героическая борьба, в которую Кенесары удалось вовлечь массы, преодолев до известной степени вековую вражду родов и поколений, отсрочила подчинение степей царизму и послужила боевой подготовкой для казахских масс в дальнейшей их революционной борьбе. «Действительное воспитание масс, — говорит В. И. Ленин, — никогда не может быть отделено от самостоятельной политической и в особенности от революционной борьбы самой массы. Только борьба воспитывает эксплуатируемый класс, только борьба открывает ему меру его сил, расширяет его кругозор, поднимает его способности, проясняет его ум, выковывает его волю».¹

Непримиримо ставил Кенесары вопрос о вассальных отношениях к среднеазиатским ханствам.² Колеблющаяся на первый взгляд линия поведения Кенесары, ищущего сближения то с царским правительством, то со среднеазиатскими ханствами, была строго продуманной по существу.

Оттесняемый все дальше и дальше в глубь степей, уходя с Улу-тау и Қши-тау на Тургай и Ирғиз, оттуда в Большие Барсуки и в Кара-Кум, далее на Сары-су-и Чу и, наконец, в китайские пределы, Кенесары не теряет надежды на победу, в периоды усиления совершая нападения, в периоды ослабления ведя искусную дипломатическую игру с царским правительством и правителями ханств, подарками, лестью, мнимой покорностью стараясь усыпить их бдительность,³ чтобы, обезопасив себя от их натиска, собрать силы казахов воедино и вновь ринуться на врага.

Все попытки царизма привлечь к себе Кенесары в качестве подданного или вассала в конечном итоге решительно им отклонялись: он отказался принять подданство России под предлогом нарушения этим требований Корана.⁴ Дважды получив амнистию (в 1841 и 1845 гг.), он не сложил оружия.⁵ Он отвергает предложение хивинского хана Алла-кули поселиться в хивинском укреплении на Сыр-Дарье с предоставлением ему права управления близкочуждыми казахами под предлогом, что «желает быть среди Киргизской степи и продолжать только о Хивой обыкновенные дружелюбные сношения».⁶

В годы наибольшего могущества Кенесары Хива даже несколько

¹ В. Ленин. Соч., XIX, стр. 347.

² Не прав Середа, утверждая, что Кенесары «видел спасение кайсацкой волюности лишь в соединении Киргизских Орд с Хивой» (Н. Середа. Указ. соч., «Вестн. Европы», 1870, IX, стр. 558). Не прав и Якунин, который ставит Кенесары на одну доску с Канп-Али Ишимовым, считая, что оба они преследовали только личные цели и не выдвигали общенародных «задач создания независимого Казахского ханства» и «лозунгов борьбы за свободу» и что Кенесары стремился лишь к восстановлению ханской власти в вассальной зависимости от России, как при Аблае» (А. Якунин, Указ. ст., стр. 53 и 55). Ахмед, сын Кенесары, говорит о планах своего отца следующее: Кенесары думал, опираясь в тылу на Россию, отомстить Кокану, отделиться и завоевать Старшую Орду. Вследствие недостатка удобных кочевий он думал даже сблизиться с Китаем. «У него была следующая цель: упрочившись где-нибудь и оперев тыл на какую-нибудь сильную державу, подчинить себе всех киргизов (казахов)». Позднее он хотел подчинить киргизов, объединить их с казахами, зимовать на р. Чу, летовать близ урочища Алма-Ата, быть в мире с Россией и Китаем и взывать кун с кокандцев (Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 7—8, 12, 14). Ср. слова, обращенные Кенесары к киргизским манапам: «Цель моего прихода сюда не враждовать и проливать кровь, а соединить силы киргизов и кара-киргизов в одно, отделить их от Коканда и вообще освободить от притеснений кокандцев» (там же, стр. 17).

³ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 129—132 и 331—332; ф. 4, оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 708 об. — 710, 893—896 и 926—931.

⁴ Там же, ф. 64 оп. 1, д. 2621, 1845 г., лл. 893—896.

⁵ После этого голова Кенесары была оценена в 6000 руб. сер., но охотников выдать его не нашлось среди казахов (А. Круссеров. Указ. соч., стр. 68).

⁶ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, п. 1, д. 2277, 1844 г., л. 2.

заискивала перед ним, посылая к нему послов с подарками и прося его не препятствовать ей в сборе закята на Сыр-Дарье и Куван-Дарье.¹ Питая непримиримую ненависть к Кокану за смерть братьев (в 1836 г.) и отца (в 1840 г.), Кенесары в союзе с Бухарой, с которой все время поддерживал дружественные сношения,² получая оттуда оружие, производит даже удачные нападения на коканские города (в 1841, 1843 и 1845 гг.).³ Оттесненный (в 1845 г.) в глубь степей, сознавая, что «Россия... скоро или рано уловит его», Кенесары отправляет посланцев в Хиву, Бухару и к казакам рода Адай, прося о предоставлении ему «удобных мест для кочеванья». ⁴ Мы не знаем, однако, воспользовался ли бы он приглашением ханств, если бы вассальная зависимость была платой за их гостеприимство.

В 1845 г. Николай I дал предписание действовать по отношению к Кенесары «не прибегая к оружию», но возвести два укрепления на Иргизе и Тургае, а в случае «упорства мятежника» или «появления других возмутителей... отбросить аулы их в места бесплодные, выждать, чтобы бескормица и лишения заставили их искать лучших кочевий, а при их приближении нагрянуть на непокорные аулы и нанести им совершенное поражение». ⁵ Аналогичную инструкцию получил председатель Пограничной комиссии Ладыженский от оренбургского губернатора Обручева: «Держать Кенесары в непрерывном страхе или быть разбиту отрядами и лишиться своего достояния, или потерять весь скот и табуны, держа в бесплодных местах...» ⁶

Политика царизма увенчалась успехом. Поручик Герн сообщал в 1845 г., что зимой Кенесары находился «в самом беззащитном положении», так как «все приверженцы и теленгуты его по скудости кормов, в необходимости отделиться от него и отдельно ищут удобных мест». ⁷ В 1843 г. тюленгуты Кенесары зимой и летом кочевали с ним «нераздельно». ⁸

В конце лета 1845 г. Кенесары берет коканские крепости Джулек, Яны, Турсунбай и Бошай-Курган, а осенью осаждает Ак-Мечеть, намереваясь овладеть Коканским ханством. Это было время наибольшего могущества Кенесары и одновременно наиболее активной политики по отношению к нему со стороны царского правительства, поставившего своей целью «вытеснить ордынцев (восставших) вовсе из степи». ⁹ Распространившаяся в отрядах Кенесары холера заставила его прекратить осаду Ак-Мечети. С февраля 1846 г. усилились нападения Кокана на Кенесары, чему немало способствовал мир, заключенный в 1845 г. между Коканом и Бухарой. Попытка Кенесары отвоевать среднее течение Сыр-Дарьи и сохранить независимость не удалась. В начале 1846 г. он откочевал с Сары-су и Чу в Старшую Орду к своему родственнику

¹ Там же, д. 2621, 1845 г., л. 931; в 1844 г. и Хива и Бухара посылали своих послов к Кенесары.

² Там же.

³ Нападения на Кокан были вызваны не только мстью, но и необходимостью добыть новые кочевья для своих приверженцев. Кенесары обещал наделить коканскими землями казахов, «вытесняемых из Оренбургской степи царскими распоряжениями» (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 173).

⁴ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2757, 1845 г., лл. 90—93.

⁵ ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., лл. 162 об. — 163.

⁶ Ист. арх. Каз. ССР, ф. 4, оп. 1, д. 2652, 1845 г., лл. 45—55 об.

⁷ Там же, д. 2621, 1845 г., лл. 926—931. В эту зиму до 100 человек его сторонников погибло от голода (там же).

⁸ Там же, ф. 64, оп. 1, д. 140, 1836 г., лл. 130—132.

⁹ ЦГАВПКБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 180. При первых работах по возведению Уральского и Оренбургского укреплений (июль — август 1845 г.) Кенесары удалился с Тургай на Сары-су (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 163).

султану Рустему, «на р. Курчик-Куке, близ китайских пределов». После поражения, нанесенного ему киргизами весной 1846 г., он откопчал на Кара-тау, «где пронырством и хитростью» успел склонить большую часть Старшей Орды «в свою пользу».¹

Удаляясь из Оренбургской степи в Старшую Орду, Кенесары захватил с собой «на пути множество киргизов кокандских».²

Чрезвычайно интересно сообщение Пограничной комиссии в отчете за 1846 г. о том, что, по слухам, Кенесары, «видя себя в крайности от скудных пастбищ вне Оренбургского ведомства и не имея возможности возвратиться в пределы России, убеждал своих приверженцев заняться хлебопашеством по берегам р. Или или ее притоков»,³ «как единственным и достаточным средством к пропитанию».⁴

Просьба Кенесары, обращенная к китайскому правительству о разрешении допустить его кочевать в пределах Китая, была отвергнута.⁵ Вытесненный из степей Младшей и Средней Орд под натиском военноколониального наступления царизма, теряя часть своих приверженцев,⁶ Кенесары не прекращает борьбу.⁷ В сентябре 1846 г., занимая труднодоступный полуостров Камал при устье р. Или, он совершает набеги на киргизов и на аулы нового царского подданного, султана Старшей Орды Галия, намереваясь разорять «устроенные округа» и «страхом присоединять к себе» всех вновь поступивших в подданство России казахов Старшей Орды.⁸ В ноябре 1846 г. он посылает 30 своих посланцев, во главе с султаном Сеиль-ханом и бием Чукмаром, в Младшую и Среднюю Орды для сбора закята и раздачи «возмутительных писем».⁹ В декабре того же года, зимую на р. Чу (близ озера Какуенды) и на урочищах Миюрах и Май-тюбе (к югу от Улу-тау), Кенесары старался склонить на свою сторону род Кипчак и «Баганалинские волюсти» Средней Орды, кочевавшие на Кши-тау.¹⁰

¹ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 210 и 238.

² Там же, стр. 277.

³ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 270.

⁴ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 55.

⁵ ЦГАВЛ, ф. канц. воен. министерства, св. 1342, д. 16885и, 1846 г., л. 8; см. также А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 276.

⁶ «Его приверженцы, судя по слухам, недовольны им и ожидают только случая, чтобы отложиться» (ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 8 об.).

⁷ Вспомним слова его, приводимые Рязановым: «Я никогда не оставлю своего батырства и умру, совершив чудо храбрости» (А. Рязанов. Указ. соч., III, гл. VIII, стр. 94).

⁸ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 265 и 270.

⁹ ЦГАВПКИБ, ф. МВД, Земск. отд., 8 делопр., д. 183, ч. I, 1843 г., л. 8 об. Текст их см. у Н. Коншина. Указ. соч., стр. 99—101. При Сеиль-хане было захвачено царскими отрядами 14 воззваний, некоторые в 10 экземплярах (там же, стр. 99). Кенесары извещал «любезных наших слуг о землях и водах Большой Орды» и приглашал казахов для избежания царского ига уйти из Оренбургских степей и соединиться с ним, сообщая о себе, что он «ни в каком отношении не имеет горестей и печалей» и находится «в совершенном благоденствии в кругу нашего правления». Одно воззвание было обращено к рядовым казахам (там же, стр. 100—101). Чрезвычайно интересен тот факт, что, несмотря на крайне тяжелое положение («султан Кенесары и все его приверженцы крайне стеснены недостатком скота и одежды»), «скопище» его не утратило своей организации: по показаниям пленных, там имелись сотенные начальники (жуз-баши), сборщики закята и т. д. (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 277, 314 и 316 и Н. Коншин. Указ. соч., стр. 75). Трудность положения усугублялась тем, что в это время (1846 г.) многие казахи Старшей Орды приняли подданство России (А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 272, 298—299 и др.). Чтобы удержать «вновь приобретенное влияние», царским правительством был послан в Семиреченский край «для постоянного нахождения там» отряд, с предписанием «удерживать сомнительных от присоединения к Кенесары и подавать руку помощи его неприятелям, в числе коих важнейшие были дикокаменные киргизы» (там же, VI, стр. 108).

¹⁰ А. Серебренников. Указ. соч., V, стр. 297 и 315. Ср. показания бия

Архивы не сохранили нам подробностей борьбы Кенесары с киргизами и трагической гибели его со всеми приверженцами в горах Алатау во время этой последней борьбы. Есть сведения, что вражда между казахами и киргизами из-за политического соперничества в Средней Азии существовала издавна. Хан Аблай нанес киргизам жестокое поражение и сильно опустошил их страну.¹ Вражда эта усиливалась ненавистью, которую питал Кенесары к киргизским манапам за поддержку, оказываемую ими Кокану.

Подводя общий итог всему сказанному, следует повторить, что в годы подъема движения Кенесары сумел придать ему необычайный размах, подняв его до подлинной национально-освободительной борьбы и поведя непримиримую войну с царским правительством за создание «единой и непобедимой Орды».

Казахский народ по заслугам оценил эту сторону борьбы Кенесары. Он сложил о нем много песен² и до наших дней чтит память своего Кене-хана как народного героя, ставя его имя на ряду с Искандером и Рустемом.

Я смотрю в глубину времен —
Много было великих имен.
Искандер был известен всем,
Возвеличен в поэме Рустем,
У киргизов был славен Манас,
Кене-хан был в степях у нас...
Шли кровавой дорогой войны
Белоснежные их скакуны...³

Так поет народный певец Казахстана Джамбул.

отделения Назар рода Шекты, Давлеткильдея Бисбаева, о том, что Кенесары (осенью 1845 г.) просил узнать «о образе мыслей о нем оренбургских киргизов, и если... не все они враги ему, то умолял уведомить его об этом, обещая за такую приятную весть отдать все, что имеет» (там же, стр. 277).

¹ Е. Смирнов. Указ. соч., стр. 15. Ср. свидетельство Идарова о том, что «дико-каменные киргизы... находятся в соперничестве с коканскими киргизами и с некоторыми родами киргизов Большой Орды, например, дулатами» (Идаров в Киргизская степь Сибирского ведомств и новоучрежденная в ней Семипалатинская область — «Журнал МВД», СПб., 1854, VII, кн. 8, стр. 22).

² До наших дней сохранился «Марш хана Кенесары», сообщенный в 1925 г. казахом быв. Акмолинской обл. (А. Затаевич. 1000 песен киргизского народа, стр. 64, Оренбург, 1925).

³ Джамбул. Клим-батыр.